ФЕЛЬЕТОНЪ.

Изъ ростовской старины.

(Театральныя воспоминанія).

Если память мнѣ не измѣняетъ, это было лѣтомъ 1879 года. Сезонъ въ театрѣ городского сада Г. С. Вальяно былъ вполнѣ «драматическій». Въ іюлѣ—самый не-театральный, если такъ можно выразиться, мѣсяцъ, когда прѣзжихъ мало и публика предпочитаетъ сидѣть на открытомъ воздухѣ, нежели вараться въ театрѣ.

Однажды утромъ, на репетиціи, къ Вальяно обратился плотный, коренастый молодой человѣкъ съ едва пробивающимися усами, въ ситцевой косоворотки, подпоясанный шнуркомъ, и, отрекомендовавшись студентомъ петербургскаго университета, просилъ позволенія поставить на нашей сценѣ свою пьесу. Вальяно, взявъ въ руки толстую тетрадь, обѣщалъ дать отвѣтъ черезъ 2—3 дня. Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что пьеса будетъ поставлена,—и дѣйствительно появилась афиша, анонсирующая ея постановку. Пьеса эта сдѣлала большой сборъ и автора ея вызывали много разъ. Она называлась «Бракъ и разводъ» (комедія), а авторомъ ея былъ О. К. Нотовичъ, нынѣшній редакторъ «Новостей».

Спустя, затѣмъ, лишь припоминается мнѣ постановка Владимирымъ его фантастической пьесы—«Путешествіе Аппаксинскаго купца въ преисподнюю и благополучное его отъѣзда возвращеніе», а равно цѣлый рядъ водевилей Анъ-Трёйнаго (актера А. З Бураковскаго), служившаго у насъ нѣсколько сезоновъ. Наконецъ, лѣтъ 20 слишкомъ назадъ, будучи еще юношей и мечтая объ авторскихъ лаврахъ, я написалъ пьесу, съ громкимъ названіемъ «Жертва недостойна», драму въ 5 дѣйствіяхъ. О сюжетѣ ея я ничего не скажу—не стоитъ она этого, но для характеристики нравовъ и порядковъ былого я обязанъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ.

Написавъ свою драму, я, по совѣту покойнаго Зубовича, при прошеніи отъ правилъ ее въ главное управленіе по дѣламъ печати. Ждалъ я отвѣта около полугода лѣтъ, но, не дождавшись его, обратился съ жалобой на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Проходитъ мѣсяцъ, два,—и вдругъ зовутъ меня повѣсткой по второму полицейскому участку. —«Ну,—думаю себѣ,—пропалъ я!. Это меня, раба Божьяго, упрячутъ куда Макаръ телятъ не гонялъ». Пошелъ. Встрѣтилъ меня приставъ Публиковскій—въ то время гроза города.

Встрѣтивъ я, сверхъ всякаго чаянія, довольно любезно обошелся со мною, приглашенъ расположеніи въ полученіи бумаги, которую тутъ-же и вручилъ мнѣ. Дрожащими руками я исполнилъ предложеніе пристава и, взявъ бумагу, въ пріемной комнатѣ, заполненной бозяками и умными проститутками, прочелъ се. Это было уѣдомленіе отъ главнаго управленія по дѣламъ печати, что пьеса моя разрѣшена къ постановкѣ еще полгода тому назадъ и тогда-же, за № такимъ-то, препровождена въ ростовское полицейское управленіе, для вручения по принадлежности.

Обрадованный, съ одной стороны, тѣмъ, что моя жалоба министру прошла безъ печальныхъ послѣдствій, а съ другой—что драма моя разрѣшена и, навѣрное, хранится въ полицейскомъ управленіи, и я направилъ туда свои стопы. Секретарь, продержавъ меня часа два на ногахъ, далъ справку, по которой пьеса моя своевременно была передана въ ту же полицейскую часть, гдѣ и три часа назадъ былъ, но почему то не вручена мнѣ и не возвращена обратно въ полицейское управленіе. Въ части я еще засталъ пристава, онъ поручилъ произвести розыскъ, и меня просили прійти завтра. Эти «завтра» затянулись на цѣлый мѣсяцъ, и въ результатѣ—помощникъ пристава любезно сообщилъ мнѣ, что, несмотря на самые тщательные розыски, пьесы моей не оказалось, и что охота де мнѣ писать о такихъ пустякахъ. Все это говорилось съ улыбкой, съ ироніей: что, мол, тебѣ пустяками заниматься, начальство утруждать, когда есть у нихъ дѣла поважнѣе этихъ писательскихъ? Вечеромъ, въ театрѣ, на вопросы артистовъ, знавшихъ о моей потерѣ за пьесой, я повѣдалъ имъ свое горе. При разсказѣ моемъ присутствовалъ нѣкій присяжный повѣренный, большой театралъ, и по нынѣ здравствующій. Онъ пообѣщалъ обо всемъ доложить до свѣдѣнія полицеймейстера. Обѣщаніе свое онъ въ тотъ-же вечеръ исполнилъ и сообщилъ мнѣ, что полицеймейстеръ проситъ меня завтра, въ 6 часовъ вечера, къ себѣ на квартиру. Я пошелъ. Полицеймейстеръ Сербиновъ очень любезно меня принялъ, выслушалъ и, когда узналъ, что находившаяся у меня въ рукахъ бумага въ главного управленія по дѣламъ печати есть слѣдствіе моей жалобы министру, тотчасъ-же позвалъ приномандированнаго къ нему чиновника и долго съ нимъ шептался. На другой день, въ 10 часовъ утра, на квартиру ко мнѣ явился какой то сбѣритый субъектъ, съ дрожащими отъ алкоголизма руками, и, чуть не плача, просилъ не погубить его. Оказалось, что пьеса своевременно была получена въ части, но субъектъ этотъ, вдохновенный писарь, занятый рассмотрѣніемъ содержаніемъ, счелъ нужнымъ, не вписывая мнѣ повѣстки о какой то полиціи, взять ее домой на прочетъ. Видимо, рукопись ходила по рукамъ много мѣсяцевъ и въ данную минуту находилась у своячениицы писца, въ станицѣ Каталинской. Черезъ два дня пьеса, наконецъ, была мнѣ вручена виновной, изорванной, съ едва замѣтными слѣдами надписи цензуры.

Года четыре пьеса пролежала у меня и я все боялся ее поставить. Когда же Вальяно сменилъ Кальцвейгъ, я, по настоянію Зубовича рѣшился сдѣлать это, но не въ чей нибудь бенефисъ,—чтобы, въ случаѣ плохого сбора, не было на меня нареканій,—а въ свободный спектакль.

Я ее поставилъ 16-го ноября 1879 г.

* * *

Возвращаюсь опять къ временамъ Вальяно и къ характеристикѣ тогдашней театральной публики.

Гастролировала оперетка. Вальяно, какъ первый бесвдитель ея въ Россіи, зналъ, какъ переводчикъ и пайщикъ хорошаго антрепренера, пользовался на антерскомъ рынкѣ преимущественными правами выбора лучшаго для своего театра. До пріѣзда въ Москву, на 2-3 недѣли поста, ни одинъ артистъ и ни одна артистка не кончали съ другимъ антрепренеромъ, въ чаяніи попасть къ Вальяно. Но надо замѣтить, что Вальяно, при наборѣ труппы, отдавалъ предпочтеніе—если, конечно, нельзя было согласовать и то и другое вмѣстѣ,—наружной красотѣ предъ голосовыми средствами. Изъ служившихъ въ Ростовѣ, причастныхъ къ оперетѣ артистокъ,—какъ, напр., Райчерь, Кочкова, Федотова, Борисова, Полоскаи, Кольцова, Корбілесъ Михайловская, Круговская, Альтани-Хотинская, Александровы 1-я и 2-я и много другихъ,—все это были красивыя женщины на подборъ. И пѣвцы къ нимъ подбирались подъ пару ихъ, такъ-что, приходя въ вистаго отъ красавицы Елены или Буллоты, прекрасная половина публики не менѣе волновалась Парисомъ и Разуемъ Синей-Бородой. Такими были: Давыдовъ (нынѣшній антрепренеръ Александровскаго сада), Викторовъ, Семеновъ, Долевій, Терскій-Карговъ (?), Чаровъ, Невскій и др. Въ общемъ, особенно замѣтнаго, служило у насъ по 3 пѣвицы разомъ: колоратурная, трагическая и еще одна. Ухаживаньямъ не было конца. Тысячные подарки составляли обыкновенное явленіе каждаго бенефиса. Молодежь неистовствовала. Вокругъ и около нашего театра пущено на вѣтеръ не одно состояніе. Иванъ пѣвичка, явившись въ Ростовъ съ тощенькимъ чемоданомъ, убѣжала черезъ 2-3 года нагруженная и богатымъ гардеробомъ, и бриллиантами, и деньгами. Кутежи, пикники, поѣздки верхомъ цѣлыми кавалькадами, катанье на саняхъ съ бубенчиками, тройкой—все это продѣлывалось недавно, Шамаханскія лилось рѣкой, и многіе изъ представителей золотой молодежи даже поженились на жрицахъ храма Мельпомены и Терпсихоры. Такъ, богатый ясоропромышленникъ, изъ поклонниковъ Дубовки на Дону, человѣкъ уже не-молодой, влюбился, что называется, по-уши въ молоденькую, рыжеволосую, миніатюрную танцовщицу Викторину 2-ю и сочетался съ нею вакриным бракомъ. То-же учинилъ сынъ полковника Кузьмина съ актрисой Пресной. Каждый день въ городѣ были разговоры то о той, то о другой «скандальной» исторіи. Параллельно съ ухаживаніями за актрисами, ухаживали и за актерами. Я уже не говорю о барыняхъ бальзаковскаго возраста: тѣ таютъ и по-нынѣ, какъ таяли и тогда, при видѣ мало-мальски театрального херувима. Молодыя женщины и дѣвушки приходили въ такой восторгъ отъ своихъ кумировъ, что публично подносили имъ подарки. И если правда то, что у танцоровъ и танцовщицъ весь умъ въ ногахъ, то болѣе всего это можно примѣнить къ служившему нѣкогда у насъ талантливому танцору Шарлеу. Былъ онъ изрядно глупъ, но строенъ, высокъ и красивъ, но той своеобразной красотой, которая нравится не всѣмъ женщинамъ: стеклянновыдные глаза на выкатѣ, безъ всякаго выраженія, румяныя щеки, черные вавитые и приподнятые вверхъ усы. Онъ былъ всегда одѣтъ съ-иголочки и всѣми пріемами и простотою смахивалъ на Альфонса. Такъ, вотъ, этому-то танцору, въ день его своихъ именинъ, отъ кружка дѣвицъ, во главѣ съ одной красавицей, была поднесена бархатная подушка, вышедшая вышитыя шелками. Одновременно съ этими подношеніями, на разъ раздавалось громкое шипаніе, вмѣшивались на оцѣну огурцы, гнилыя яблоки и анонимныя записочки пошлаго содержанія. Я уже упоминалъ, что театралы наши дѣлились на партіи, и когда одна партія дѣлала подношенія артистамъ, то другая аплодировала ей,—тогда-жаръ другая не менѣе энергично шикала и свистала. Тогда у насъ еще не было фабрикъ и заводовъ: галлерею посѣщала болѣе или менѣе чистая публика, тоже дѣлившаяся на партіи. Въ памятные для ростовцевъ сезоны, когда вмѣстѣ служили у насъ Кольцова и Полоскаи,—двѣ красавицы-пѣвицы,—партійность въ театрѣ свирѣпствовала съ особенной силой. На галлереѣ партіей Кольцовой руководилъ 15-лѣтній мальчикъ, неустанно до седьмого пота выкрикивавшій «бисъ» и «браво» по адресу своего кумира и шикавшій столь же неистово по адресу Полоскаи. Этотъ мальчикъ Авраамъ Эйнгорнъ—нынѣ извѣстный артистъ Императорской оперы А. А. Черновъ. Въ партерѣ и ложахъ производились другія штуки, среди которыхъ выдѣлялась своеобразнаго сѣдующая. Семья Сидомцевыхъ,—одного изъ членовъ которой, предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, мы на-дняхъ хоронили,—была тогда богатѣйшая семья въ окрестности Ростова. Владѣя громадными пахотными, Сидомцевы имѣли здѣсь, въ городѣ, своего коммиссіонера, для выполненія разныхъ порученій и, главное, для найма рабочихъ. Коммиссіонеръ этотъ, пьяничка изъ отставныхъ николаевскихъ солдатъ, былъ извѣстенъ своею предусмотрительностью и своимъ начальствомъ, но семья его амфитріона, именно, за эту предусмотрительность и любила его, видя въ немъ какъ-бы предворнаго шута. Скажи кто-либо изъ его патроновъ—и этотъ холопъ не задумался бы колесомъ пройти по городу. Всему городу онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Яшки. Въ дни бенефисовъ соперницы обнадованный артистки Яшку одѣвали въ изящный новый, пестрый костюмъ, въ лаковые сапоги, перчатки, цилиндръ, монокль, затѣмъ подпаивали его—и онъ превращался въ чудище. Усадили Яшку въ первомъ ряду креселъ, ему поручали шикать одной или аплодировать другой артистѣ, и онъ и полнилъ это съ обращовной аккуратностью. Хотя полиціи, для очищенія совѣсти, послѣ второго акта и убирала его въ участокъ,—это не мѣшало Яшкѣ въ дни слѣдующаго бенефиса повѣздать на томъ же мѣстѣ и горланить опоа, вызывая гомерическій хохотъ въ публикѣ...

Б. Камневъ.